в судьбе героя (идея, реализованная в самой композиции повествования), обязательность воздания за добро и зло здесь, в земной жизни; Аввакум еще полон задора борьбы, и, чувствуя свою силу, охотно прощает врагов. Время создания этих редакций — это время надежд пустозерских узников: пять лет борется с царскими войсками и не сдается Соловецкий монастырь, ширится движение раскола, интенсивная литературная деятельность Аввакума рождает сознание собственного реального участия в продолжающейся борьбе — «А нынешнюю зиму потерпите толко маленко», — пишет Аввакум семье на Мезень в 1673 г. (922). «Мне, веть, неколи плакать, — обращается он к своим единомышленникам в Поморье в эти же годы, — всегда играю со человеки... В нощи что пособеру, а в день и разсыплю...» (950).

Однако разница между этими редакциями существует, и она заключается не только в разном объеме их текста и большей «дидактичности» *А*: новые по сравнению с *Б* эпизоды редакции *А* создают и новое литературное качество этого текста. Текст *А* не просто подробнее — он много глубже в смысле художественного воссоздания жизни. Диалог с Настасьей Марковной, например, возникающий при возвращении Аввакума из Сибири и воспроизведенный им в редакции *А*, отражает всю сложность психологического бытия героя автобиографического повествования, его сомнения, муки долга и чувства («Жена, что сотворю? Зима еретическая на дворе! Говорить мне или молчать? — связали вы меня!»). В редакции *А* Аввакум в полной мере ощутил свободу от литературных условностей, он как бы играет с подвластной ему формой повествования, сам созидая и разрушая ее, превращая подчас свое Житие в реальную беседу с читателями (так, в тексте Жития он оставляет чистое место, чтобы получить немедленный отклик Епифания на свой рассказ).

Как же создавались следующие за *Б* редакции Жития?

Выше, рассуждая о времени создания *В*, мы отмечали, что Аввакум иногда оставляет в новом тексте без изменения и старые эпизоды, и старые даты («30 лет как имею священство», — пишет он в 1675 г., переписывая текст 1672—1673 гг.). Этот факт очень важен. Какой бы точки зрения на механизм создания редакции *В* ни придерживаться: полагать, что основная ее часть создана в 1672—1673 гг. и лишь дополнена вступлением в 1675 г. (что кажется невероятным, учитывая общую направленность изменений), или признавать единую обработку и создание нового текста редакции в 1675 г. — несомненно одно: весь этот текст был переработан и переписан самим Аввакумом, который, переписывая его, не внес в хронологию некоторых отрывков никаких изменений, не позаботился о приурочивании своего повествования к 1675 г.

Из установления этого факта вырастает несколько наблюдений.

1. Перед нами очень своеобразное явление: в собственном авторском повествовании сохраняется принцип летописного свода, тексты соединяются без перевода из одной системы времени в другую, они прочно хранят связь с тем именно моментом, когда они были созданы, и связь со средневековым типом повествования.

2. Некоторые факты, сообщаемые Аввакумом, не могут рассматриваться как датирующие для всего произведения в целом, так как он мог брать их из ранее написанных сочинений и переносить, «пересаживать» в новый текст в составе отдельных заимствованных фрагментов.

3. Сохранение в тексте несогласованных с настоящим временем «устаревших» фактов (анахронизмов) свидетельствует о письменной зависимости текстов один от другого, ибо устная композиция произведения, различ-